

Пролог «ХАГАКУРЭ» И Я

Спутники нашей молодости — друзья и книги. Друзья — это люди, они живые, и они все время меняются. То, что волновало когда-то, с годами остывает и уступает место новым друзьям и новым устремлениям. С книгами в каком-то смысле происходит то же самое. Бывает, книга, которая произвела глубокое впечатление и повлияла на человека в отрочестве, теряет яркость и притягательную силу, когда он перечитывает ее через несколько лет. От нее остается лишь мертвый остов. Но главное различие между друзьями и книгами в том, что друзья становятся другими, а с книгами ничего не происходит. Даже если книга провалялась в пыли на самой дальней полке, она сохранила свою душу и заложенные в ней идеи. Мы можем принимать или отвергать их, можем

изменить книгу через наше к ней отношение, но большего сделать мы не в состоянии.

Мое отрочество и юность пришлись на военные годы. Из прочитанного тогда самое большое впечатление на меня произвел роман Реймона Радиге «Бал у графа д'Оржеля». Этот классический литературный шедевр поставил Радиге в один ряд с выдающимися французскими писателями, заслужившими место в Пантеоне. Художественная ценность этого произведения не вызывает сомнения, но тогда я едва ли был способен оценить его с точки зрения чистого искусства. Гений Радиге, ушедшего из жизни в двадцать лет, оставил нам этот шедевр, и я, имея все основания полагать, что, вероятно, погибну на войне в том же возрасте, накладывал на себя его образ. Можно сказать, что я стал считать Радиге своим оппонентом, а его роман — целью, к которой надо стремиться. С изменением моих литературных вкусов и под влиянием того, что неожиданно для себя я остался в живых и продолжал существовать в послевоенном мире, очарование книги Реймона Радиге в моих глазах соответственно рассеялось.

Еще одна книга, которую я носил с собой во время воздушных налетов, это «Сочине-

ния Акинари Уэды»¹. Я и сейчас не знаю, почему в то время так прикипел к этому автору. Причина, видимо, в том, что я вынашивал в себе идеальный образ настоящей японской литературы, и Акинари² с его духом почитания прошлого, вступавшим в противоречие с современностью, и исключительным блеском его новелл, казавшихся мне сияющими кристаллами, тогда соответствовал складывавшемуся у меня образу. Уважение к Акинари Уэде и Радиге и сейчас никуда не делось, однако среди моих настольных книг их уже нет.

Лишь одна книга всегда со мной. «Хагакурэ» Дзётё Ямамото³. Я начал ее читать в военные годы, и с тех пор она лежит на моем столе. Это трактат, к которому я постоянно обращаюсь уже более двадцати лет, перечи-

¹ Акинари Уэда (1734–1809) — знаменитый японский ученый и писатель, автор стихотворений и новелл. (*Здесь и далее примеч. перев.*)

² Вопреки японской традиции, в которой принято называть людей по фамилиям, Мисима часто называет авторов, оказавших на него влияние, по именам, видимо, чтобы показать свою близость к ним.

³ Дзётё (Цунэтомо) Ямамото (1659–1719) — самурай из княжества Сага. Считается автором «Хагакурэ» («Записей о сокровище в листве») — трактата о кодексе самурайской этики.

тываю отдельные места, и всякий раз он производит на меня сильное впечатление. Свет «Хагакурэ» особенно озарил меня после того, как окончилась война, во время которой трактат был необычайно популярен и изучение его считалось обязательным. Возможно, «Хагакурэ» — изначально книга-парадокс. Во время войны она излучала свет, но среди белого дня он был не очень заметен, и лишь во мраке книга засияла по-настоящему.

Вскоре после войны я написал свой первый роман. В то время вокруг меня бурлили разные течения новой жизни, новой литературы. Однако время, которое принято называть периодом «послевоенной литературы», не вызвало у меня отклика ни в концептуальном, ни в литературном плане. Энергия и жизненная сила людей, имевших идейные установки и литературную восприимчивость, которые отличались от моих, как буря проносились мимо, не задевая меня. Разумеется, я чувствовал, что одинок, и задавал себе вопрос: что вело меня по жизни все это время — во время войны и после того, как она кончилась? Не «Капитал» Маркса и не императорский рескрипт об образовании. Ориентиром должна была стать книга, которая мог-

ла послужить основой моей морали и в то же время целиком одобряла дерзания моей юности. Которая была бы прочной опорой моего одиночества и несовременных взглядов. Больше того, эта книга должна была находиться под запретом. «Хагакурэ» удовлетворяла всем этим требованиям. Она, как и многие другие книги, превозносимые в годы войны, стала считаться устаревшей и вредной; ее следовало обходить стороной и подвергнуть забвению. Книги складывали в стопки, связывали грубыми веревками и выбрасывали в мусорный ящик. И «Хагакурэ» впервые засияла по-настоящему во мраке нашего времени.

То, что я почувствовал, читая «Хагакурэ», стало обретать смысл в наше время. Эта книга исповедует свободу. Эта книга взывает к жару сердец. «Я постиг, что Путь воина — это смерть». У тех, кто знаком с «Хагакурэ» лишь по одной, самой известной строке, возникает образ зловещего фанатизма. В этой строке: «Я постиг, что Путь воина — это смерть» — заключен парадокс, символизирующий суть книги в целом. В этом я усматриваю главный источник исходящей из этой книги жизненной силы.

В первый раз я заявил о своей приверженности «Хагакурэ» после войны, в эссе «Каникулы писателя», опубликованном в 1955 году. Вот несколько выдержек из него:

«Я начал читать „Хагакурэ“ во время войны, иногда обращаюсь к ней и теперь. Это книга моральных установок, странная и не имеющая аналогов; ее парадоксальность — не парадоксальность цинизма, а парадоксальность, возникающая из несоответствия между пониманием правильного пути и решимостью приступить к действию. Как наполнена жизненной энергией эта книга, как она светла и человечна!

Человек, который, читая „Хагакурэ“, ориентируется на сложившиеся понятия, например феодальную мораль, вряд ли в состоянии в должной мере ощутить свежесть этой книги. Она дышит чувством свободы, которым жили люди в условиях строгой общественной морали. Эта мораль пронизывала все поры общественной и экономической жизни. Она служила главной предпосылкой существования общества, в котором всемерно превозносились энергия и страсть. Энергия — добро, вялость и апатия — зло. Удивительно мудрый взгляд на жизнь, такое отношение к ней раскрывается в „Хагакурэ“ без

малейшего намека на цинизм. Это имеет эффект, диаметрально противоположный тому неприятному послевкусию, которое остается после чтения Ларошфуко.

Редко встретишь книгу, способную, руководствуясь критериями морали, до такой степени разбудить в человеке уважение к себе, как это делает „Хагакурэ“. Признавать и ценить энергию, отрицая самоуважение, невозможно. В этом нельзя зайти слишком далеко. Даже высокомерие — морально (впрочем, „Хагакурэ“ не ставит вопрос о высокомерии в абстрактном смысле слова).

„Самурай должен быть абсолютно уверен, что он самый доблестный воин во всей Японии“. „Самурай должен гордиться своей доблестью и быть преисполнен фанатичной решимости умереть“ ... Это праведное безумие. Нельзя заключить фанатизм в рамки рационального поведения.

Моральным принципом жизненных установок, исповедуемых „Хагакурэ“, является вера человека в целесообразность совершаемых действий. По поводу моды на то или иное Дзётё бесстрастно констатирует: „Важно поступать достойно в любое время“. Целесообразность — не более чем проявление презрительного отрицания изысканной утон-

ченности с позиций этики. Человек должен быть *согэмоно*, то есть упрямым, оригинальным, не простым. „Отважные воины в большинстве своем истари были согэмоно — обладали сильной волей и мужеством преодолевать слабость“.

Как и многие другие художественные произведения, рождавшиеся наперекор своей эпохе, записки Дзётё Ямамото появились на свет в противовес блеску и роскошеству, которые были доминировавшим трендом в периоды Гэнроку и Хозэй¹.

Когда Дзётё говорит: „Я постиг, что Путь воина — это смерть“, он выражает свою утопическую идеологию, свое понимание свободы и счастья. Вот почему сейчас мы имеем возможность читать его книгу как сказание об идеальном государстве. Если бы такая страна возникла, я почти уверен, что люди в ней жили бы куда счастливее и свободнее, чем мы живем сейчас. Однако эта страна существовала только в мечтах Дзётё...

Автор „Хагакурэ“ открыл радикальное средство для лечения болезней общества. Предвидя раздвоение человеческого духа, он пре-

¹ Периоды истории Японии, охватывающие 1688–1711 гг. и характеризующиеся расцветом культуры.

дупреждает, что это не принесет счастья: „Плохо, когда целое делится надвое“. Мы должны воскресить веру в простоту, воспевать ее. Дзётё не мог не признать правоту подлинной страсти, и потому ему были хорошо известны законы, которым подчиняется страсть...

Я не вижу большой разницы, какая смерть является финалом процесса закалки человека на его пути к совершенству: естественная или смерть в духе „Хагакурэ“ — от меча в бою или от *сэппуку*¹. Человек дела никогда не будет пытаться менять или регулировать правило: люди должны смириться с тем, что все в жизни проходит. „В ситуации «или-или», когда стоит выбор между жизнью и смертью, быстро выбирай смерть“. „Хагакурэ“ лишь здраво отмечает, что в этом выборе самопожертвование в любом случае есть гарантированная добродетель. Ситуации „или-или“ возникают не часто. Примечательно, что Дзётё, рассуждая о предпочтительности „быстрой смерти“, не раскрывает критериев ситуации „или-или“, которая должна смерти предшествовать. Оценке ситуации, приводя-

¹ *Сэппуку* — ритуальное самоубийство методом вспарывания живота. То же, что харакири.

щей человека к решению принять смерть, предшествует длинная череда рассуждений, подготовка к принятию окончательного решения, предполагающие, что человеку действия приходится долго испытывать состояние напряжения и внутренней сосредоточенности. Мир человека действия — это окружность, замыкающаяся, когда добавляется одна последняя точка. Такая картина всегда у него перед глазами. Он раз за разом исключает круги, которым недостает такой точки, и оказывается перед новыми и новыми. В противоположность этому мир художника, писателя или философа представляет собой конструкцию из расширяющихся концентрических окружностей, в центре которых находится он сам. Но когда в конце концов приходит смерть, у кого чувство самореализации окажется сильнее — у художника или человека действия? Как мне представляется, смерть, в несколько мгновений подводящая черту под жизнью после того, как круг замкнулся, создает гораздо более мощное ощущение достойного завершения жизненного пути.

Наибольшее несчастье для человека действия — если он не умер, когда круг зам-

кнулся. Ёити Насу жил еще долго после того, как попал стрелой в веер¹. В учении „Хагакурэ“ о смерти подчеркивается, что счастье человека действия важнее результата его усилий. Сам Дзётё, мечтавший о таком счастье, в возрасте сорока двух лет хотел последовать в мир иной за своим умершим хозяином Мицусигэ Набэсимой, однако этому помешал приказ самого Набэсимы, запрещавший вассалам совершать ритуальные самоубийства после его смерти. Дзётё обрил голову и стал буддийским монахом. Умер своей смертью в шестьдесят один год, оставив миру „Хагакурэ кикигаки“ („Записи о сокровище в листе“) — сокращенно „Хагакурэ“».

За прошедшие годы мое восприятие «Хагакурэ» мало изменилось. Хотя, пожалуй, будет правильнее сказать, что, когда я работал над своими комментариями, «Хагакурэ» впервые обрела в моем сознании четкую форму, и я посвятил этой книге свои дерзания,

¹ Ёити Насу (1169? — 1232?) — японский полководец, большой мастер стрельбы из лука. Фигурирует в японском средневековом романе «Повесть о доме Тайра». Во время одного из сражений на полном скаку послал стрелу в самую середину золотого круга солнца, нарисованного на веере, который был закреплен на планшире неприятельского корабля.

пыл своего сердца, стал жить по ее принципам. Иными словами, «Хагакурэ» все больше и больше завоевывала мое сердце. В то же время, занявшись «легким жанром», резко осуждаемым автором «Хагакурэ», я часто страдал из-за внутреннего конфликта между этическими нормами поведения и искусством. Меня долго мучили сомнения: не прячу ли я свое малодушие за литературным трудом? По правде говоря, приверженности принципу *бумпу рёдо*¹ я обязан влиянию «Хагакурэ». И, ясно отдавая себе отчет в том, что нет более трудного пути, чем *бумпу рёдо*, я все-таки решил, что ничто другое не может служить оправданием моей деятельности на ниве искусства. Это мне стало понятно тоже благодаря «Хагакурэ».

При этом я считаю, что искусство, уютно устроившееся внутри самого себя, обречено на увядание и смерть. Я не сторонник прин-

¹ *Бумпу рёдо* (дословно: «оба пути — литература и военное искусство») — идеологическая доктрина, получившая постепенное распространение в Японии после прекращения междоусобных войн и объединения страны усилиями сёгунов (военных правителей) клана Токугава. Этот принцип требовал от самурая совершенствования в литературе и науках, с одной стороны, и в военных искусствах, с другой.

ципа «искусство ради искусства». Ведь если искусству ничто не угрожает и не оказывает на него стимулирующего влияния, воздействуя извне, оно быстро сходит на нет. Литература и искусство берут материал из жизни. Жизнь — это и мать, и заклятый враг; она таится в самом писателе или художнике и одновременно представляет собой извечную антитезу искусства. Я быстро разглядел в «Хагакурэ» философию жизни и ощутил, что прекрасный и чистый мир, открывающийся в этой книге, способен взбаламутить болото, которым, в моем представлении, являлся мир литературы. Для меня смысл «Хагакурэ» заключается в том, что она открыла мне этот мир, и хотя влияние «Хагакурэ» чрезвычайно осложнило мое существование как художника, эта книга стала чревом, из которого появляются мои литературные труды, вечным источником жизненной силы. Она неустанно подстегивает, подает команды, отрицает. Это позволяет ей красота. Красота холодного льда.

«ХАГАКУРЭ» ПРОДОЛЖАЕТ ЖИТЬ

В течение первых двадцати послевоенных лет происходила трансформация Японии точно по сценарию, предсказанному в «Хагакурэ». Не стало самураев, нет войны, экономика возрождается, кругом все спокойно, и молодежь заскучала. Как я уже говорил, «Хагакурэ», по сути, книга парадоксов. Когда «Хагакурэ» говорит о чем-то: «Это черное», сзади обязательно раздастся голос: «Это белое». «Хагакурэ» объявляет: «Цветок красный», общественное мнение твердит: «Цветок белый». «Хагакурэ» заявляет: «Не следует делать этого», но оказывается, что все это уже делают. Если подумать, получается, что сейчас за этой суровой и аскетичной книгой лежат социальные условия, которые противоречат ее содержанию. Такие условия есть традиционная реакция японцев на мирное, спокойное существование.

Вот простой пример этого феномена. Далеко не впервые мужская мода переживает такой расцвет, что затмевает женскую. Современная молодежь без ума от нарядов Кардена. В истории Японии такое уже бывало. В период Гэнроку сердца людей завоевала мода на роскошь, изящество и вычурность, распространившаяся не только на одежду, но даже на клинки и рукояти мечей и кинжалов. Одного взгляда на красочную жанровую живопись Моронобу Хисикавы¹ достаточно, чтобы представить пышное величие того времени, на которое повлияла роскошная городская культура.

Сегодня, если вы заглянете в какое-нибудь джаз-кафе и поговорите с молодежью, то поймете, что их волнует только внешний вид — как одеться по моде. Как-то раз я зашел в кафе, где звучал современный джаз, и сидевший рядом паренек учинил мне настоящий допрос: «Вы эти туфли на заказ делали? Где же? А запонки? Где вы такие купили? Материал для костюма где брали? В каком ателье шили?» Вопросы сыпались как

¹ *Моронобу Хисикава* (1618–1694) — японский художник и гравёр, один из крупнейших представителей стиля укиё-э.

из рога изобилия. Его товарищ остановил юнца: «Ну что ты, как нищий, лезешь со своими вопросами? Сиди тихо, смотри, как человек одет, перенимай идею». На что первый ответил: «Так честнее: поспрашивать человека, поучиться, как надо одеваться».

«Учиться» для этих ребят — значит узнать, как преподнести себя в лучшем виде, постичь секреты моды. Аналогичный пример можно найти и в «Хагакурэ»: «За последние тридцать лет нравы в обществе изменились. Теперь молодые самураи собираются, чтобы поговорить о деньгах, прибылях и убытках, секретничают, обсуждают наряды, любовные похождения. Других причин встречаться у них нет. Вот какие нравы настали».

В наше время много говорят о феминизации японских мужчин. Кто-то утверждает, что это происходит под влиянием американской демократии и установок типа «Ladies first!». Однако началось все это не сейчас. Когда правительство Токугава, избавившись от грубых мужских нравов, царивших в японском обществе в эпоху воюющих провинций¹, закрепились у власти и добилось стабилиза-

¹ Период междоусобных войн, продолжавшихся в Японии со второй половины XV до начала XVI в.

ции, тут же начался процесс феминизации мужчин. Проследить за ним можно по гравюрам мастера укиё-э XVIII века Харунобу Судзуки¹. Мы видим прижимающуюся друг к другу парочку, сидящую на краю веранды и любующуюся на цветущую сливу. Прическа, стилем и покроем одежды, выражением лиц влюбленные так похожи, что невозможно отличить мужчину от женщины. Когда создавалась «Хагакурэ», эта тенденция уже началась. Обратимся к пропитанному едкой иронией пассажи, которому автор предположил заголовок «Женский пульс»:

«Я слышал от одного человека, что лекарь Мацугамасаки-но Кёан как-то рассказывал: „Медицина по-разному относится к лечению мужчин и женщин, исходя из принципов *инь* и *ян*. Пульс у мужчин и женщин тоже отличается. Однако за последние пятьдесят лет частота пульса у них сравнялась. Заметив это, я решил испытать для лечения глазных болезней мужчин метод, который применяю к женщинам, потому что предназначенное для мужчин лечение перестало действовать.

¹ Харунобу Судзуки (1724–1770) — японский художник, один из ведущих представителей живописи укиё-э, первооткрыватель цветной гравюры.

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог. «Хагакурэ» и я	5
1. «Хагакурэ» продолжает жить	18
2. Сорок восемь главных принципов «Хагакурэ» ...	38
«Хагакурэ» и ее автор, Дзётё Ямамото	38
«Хагакурэ»: три философии	48
1. Хвала энергии	54
2. Решимость	56
3. Участие	59
4. Практика	61
5. Терпимость	62
6. Женщины	64
7. Нигилизм	65
8. Объективность правоты	66
9. Знание жизни	67
10. Приготовление и принятие решений	70
11. Постоянная готовность к смерти	71
12. Как себя вести во время застолья	73
13. Мораль внешних проявлений	76
14. Философия крайностей	78
15. Воспитание детей	79

16. Верность и преданность в человеческих отношениях	83
17. Когда увольнять слугу	83
18. Мужчина и зеркало	84
19. Об интеллектуалах	86
20. Одержимость смертью	88
21. Слова и дела преображают душу	89
22. Жизненный успех	91
23. Еще раз о слугах	93
24. Духовная концентрация	93
25. Язык мирных времен	96
26. Не говори ни слова слабости	97
27. Презрение к искусствам	97
28. Поучения	97
29. Гармония и смирение	100
30. Возраст	100
31. Превратности судьбы	102
32. Тайная любовь	102
33. Эпикурейство	104
34. Время	106
35. Самурайская доблесть (1)	107
36. Самурайская доблесть (2)	107
37. Еще раз о нигилизме	108
38. Как следить за собой	108
39. Как держать совет	110
40. Синто	111
41. Еще раз об эпикурействе	113
42. Напряжение	114

43. Достоинство	115
44. Эголизм	116
45. Изнеженность	117
46. Как себя вести при общении	118
47. Достоинство	118
48. Что дает время	119
3. Как читать «Хагакурэ»	123

Приложение

ЗНАМЕНИТЫЕ ИЗРЕЧЕНИЯ ИЗ «ХАГАКУРЭ»

Из «Неторопливой беседы в сумерках»	135
Из книги первой	141
Из книги второй	184
Из книг с третьей по одиннадцатую	207